

Мужун Цзинь повалился на землю и зашелся в непрерывном кашле. Каждый его звук отдавался в сердце Су Юя леденящим ужасом.

Су Юй в панике бросился к нему и, приложив невероятные усилия, с трудом усадил Мужун Цзиня обратно в кресло-коляску.

— Ух...

Не успел Су Юй отстраниться, как Мужун Цзинь внезапно изверг фонтан крови.

Су Юй, совершенно к этому не готовый, в одно мгновение оказался забрызган алыми пятнами. И без того бледное лицо Мужун Цзиня стало почти прозрачным. Он казался таким хрупким, словно мог рассыпаться от малейшего прикосновения.

Глаза Су Юя мгновенно налились кровью.

Черт возьми! Неужели этот ребенок не понимает, в каком слабом состоянии находится Мужун Цзинь? Как он посмел стащить его с кресла? Довел его до кровавой рвоты! Неужели он не боится, что это закончится смертью?

Проклятье!

— Как ты? Тебе очень плохо? Мне позвать лекаря или отвезти тебя обратно в поместье? — Су Юй, который в своей жизни даже автомобильной аварии не видел, от испуга совершенно потерял голову.

— Не... беда!

Мужун Цзинь успел произнести лишь эти три слова, как снова закашлялся кровью. Теперь теплая алая влага залила не только лицо, но и руки, и грудь Су Юя.

Сердце Су Юя дрожало. Опасаясь, что Мужун Цзинь может погибнуть от потери крови, он больше не смел позволить ему говорить. Дрожащим голосом он взмолился:

— Прошу тебя, умоляю, больше не говори, ладно? С этого момента просто кивай или качай головой в ответ на мои вопросы, хорошо?

Мужун Цзинь кивнул, соглашаясь с просьбой.

— Мы не пойдем к императору, договорились?

Мужун Цзинь покачал головой, в его глазах читалась непоколебимая решимость. Во всем остальном он мог уступить, но только не в этом!

— Обязательно нужно идти?

Мужун Цзинь кивнул.

— Ты выдержишь?

Мужун Цзинь снова кивнул.

Раз уж сам пострадавший так настаивает, Су Юй не мог больше спорить. Стиснув зубы, он согласился.

— Хорошо! Раз надо, значит, пойдем. Как раз пусть император восстановит справедливость, — Су Юй буквально выдавил эти слова сквозь зубы.

Он вовсе не был глупцом — напротив, он был очень проницателен. Разве мог он не понимать, что свободно разгуливать по дворцу и вести себя так по-хамски может только принц или принцесса?

Но что с того? Раз уж его прижали к стенке, с какой стати ему не дать сдачи? Тем более, если он сейчас не накажет одного, чтобы проучить остальных, бог знает сколько еще принцев и принцесс будут измываться над Мужун Цзинем.

Он делал это не из нежной заботы о Мужун Цзине, а исключительно из прагматизма: как Ванфэй, он будет вынужден постоянно сопровождать мужа во дворце. Если однажды случится беда и Мужун Цзиня прямо у него на глазах забьет до смерти какой-нибудь никчемный принц, разве Император на покое, которому для расправы над неугодными не нужны причины, не придушит его самого?

Проще говоря, защищая Мужун Цзиня, он защищал себя.

Сегодня он обязан использовать свой острый язык, чтобы заставить императора сурово наказать этого злобного мальчишку.

Приняв решение, Су Юй перестал терять время. Он кое-как стер кровь с их лиц и рук, зашел за спину коляски и, толкнув ее одной рукой, другой мертвой хваткой вцепился в воротник маленького принца. Его лицо помрачнело.

— Я подозреваю тебя в покушении на убийство Ванъе. Пойдем со мной к императору.

Мальчик не испугался угроз Су Юя. Он не только не стал просить пощады, но и в ответ злобно выругался:

— Отпусти меня! Я — любимый сын отца-императора, а ты всего лишь Ванфэй этого дохляка! Что ты о себе возомнил? Не веришь, что я прикажу отцу вырезать всю твою семью?

Как только мальчик закончил, Су Юй остановился и разжал пальцы.

Почувствовав под ногами твердую почву, мальчик облегченно выдохнул, а затем, вновь напустив на себя высокомерный вид, заявил:

— Испугался? Если боишься, вставай на колени перед этим принцем. Может, если у меня будет хорошее настроение, я тебя помилую.

Су Юй поднял голову и, прищурившись, уставился на ребенка:

— Ты кого назвал дохляком?

— Конечно, этого отброса в коляске, — мальчик посмотрел на Мужун Цзиня с таким презрением, будто перед ним была бродячая собака.

Су Юй окончательно вышел из себя. В этот момент он думал не о своей выгоде, а просто жалел Мужун Цзиня. То, как над ним издевались, до боли напоминало Су Юю его собственное детство, вызывая глубокое чувство сопереживания.

Его взгляд стал острым, как бритва, а от фигуры повеяло пугающей аурой. Посмотрев на мальчика еще мгновение, он замахнулся и отвесил тому звонкую пощечину.

Он не сдерживал своей силы. Маленький принц от удара развернулся на сто восемьдесят градусов и с грохотом рухнул на землю.

Мальчик был в полном оцепенении. Прижимая руку к щеке, он тупо смотрел на свое отражение в гладких каменных ступенях. Он — самый любимый принц — был избит каким-то никчемным Ванфэем?

Такого стерпеть было невозможно.

Мальчик с трудом поднялся, указывая дрожащим пальцем на Су Юя, и закричал:

— Хорошо! Жди, я все расскажу отцу, и он заставит тебя поплатиться за это!

— Отлично. Даю тебе пять вдохов. Если не исчезнешь, я избыю тебя так, что родная мать не узнает!

— Ты... — мальчик, которого никогда в жизни так не унижали, задохнулся от ярости. Однако, кроме как дрожать от гнева, указывая пальцем на Су Юя, он ничего не мог сделать.

Взгляд Мужун Инь на мгновение дрогнул. Она поняла: этот Ванфэй, над которым потешается вся столица, — человек опасный, и если так пойдет дальше, Мужун Лань пострадает еще сильнее. А если под ее присмотром Мужун Ланя превратят в посмешище, Лянь-фэй не оставит ее в покое.

Чтобы избежать наказания, Мужун Инь изо всех сил потянула Мужун Ланя прочь. Тот, хоть и был уязвлен, не стал упрямиться и, оглядываясь и продолжая сыпать проклятиями, поплелся следом.

Когда их фигуры скрылись из виду, Мужун Цзинь тихо произнес, и в его голосе прозвучали странные нотки:

— Ты знаешь, кто был тот мальчик?

— Конечно. Очевидно, принц. Скорее всего, его мать пользуется благосклонностью императора, а семья по материнской линии обладает огромной властью, — именно так всегда показывают в дворцовых драмах.

Уголки губ Мужун Цзиня слегка приподнялись. Подумать только, а он довольно сообразителен! Вот только одного он не мог понять: почему, оказавшись в такой ситуации, когда обычный человек стал бы униженно просить прощения, Су Юй осмелился поднять руку?

— Ты не боишься?

— Боюсь, — честно ответил Су Юй. Здесь закон — это воля императора, а он избил его сына. Было бы странно не бояться. Но он прекрасно понимал: с того самого момента, как он вышел замуж за Мужун Цзиня, они оказались по разные стороны баррикад. Рано или поздно конфликт должен был выйти наружу, так какая разница — раньше или позже?

— Тогда зачем ты его ударил? — Мужун Цзинь опустил глаза, а на его губах заиграла едва заметная улыбка.